

— Хочет забрать её домой. — Цзинь Шуань взял сигарету и поднёс её к губам, а Ли Юцай, сидевший рядом, тут же зажёг её. Цзинь Шуань слегка постучал по сигарете в знак благодарности. За столом почти все курили, включая жену Сунь Сина, поэтому он не стеснялся.

Сигарета быстро загорелась, и тонкий дым вырвался из его рта.

— Но я думаю, что лучше бы ей остаться. Конечно, я мало общался с этим ребёнком, но если ты тоже считаешь, что ей нужно отдохнуть дома, это тоже вариант.

Его слова звучали легко, без профессионального анализа или обоснования, но при этом он чётко дал понять свою позицию: я согласен с тобой, поэтому, если хочешь оставить Лю Жань, не сомневайся. Я поговорю с её отцом, а ты решай, как лучше. Я тебе доверяю.

Такие слова дали Хань Чжоу уважение и поддержку как учителю.

Хань Чжоу положил в рот кусочек мяса, пропитанный соусом, и почувствовал, как солёный, пряный вкус заполнил его рот.

Горячий бульон быстро насыщает, а вино пьянит, но не насыщает. Когда Ли Юцай велел официанту принести несколько овощных блюд, все за столом уже наелись.

Посмотрев на часы, было всего около девяти вечера, и Ли Юцай предложил сходить в соседний спа-центр, а затем разделиться на две группы и поиграть в маджонг.

— Эээ... — Хань Чжоу поставил стакан с водой для полоскания рта. — Вы идите, мне немного не по себе. Мы с братом Анем вернёмся.

— Не притворяйся! — Ли Юцай уже набирал номер для бронирования. — Я знаю, что ты можешь выпить за десятерых! Эй... — он слушал гудки в трубке, глядя на Цзинь Шуаня. — Цзинь, я тебе скажу, он обычно больше всех нас тащит в баню. Сегодня он просто стесняется из-за тебя, ждёт, чтобы мы его уговорили. Он самый скрытный из нас, не дай себя обмануть его невинным взглядом.

— Я не стесняюсь. — Хань Чжоу быстро взглянул на Цзинь Шуаня. На самом деле он не был пьян, но боялся, что тому будет неудобно.

Среди художников всегда есть несколько геев. Некоторые из них могут спокойно переодеваться и мыться вместе с другими мужчинами, а некоторые — нет. Хань Чжоу не знал, к какому типу относится Цзинь Шуань, но, судя по его манерам аристократа, даже если он не гей, вряд ли любит мыться с другими. Поэтому он махнул рукой:

— Твоё вино слишком крепкое, выдержанное — это что-то особенное.

— 05 года, блин! — Сунь Син фыркнул. — Я помню, два года назад Ли Юцай принёс бутылку оригинального маотая, выдержанного пятьдесят лет. Я выпил одну рюмку и проспал два дня, а ты проснулся в обед. Сегодня мы выпили немного красного, а ты притворяешься невинной девицей!

Сунь Син был слегка навеселе, а босс уже начал понимать. Он предположил, что, возможно, Цзинь Шуань не хочет идти, и посмотрел на него, спрашивая взглядом, сможет ли он.

Хань Чжоу также наклонился к нему, положив руку на стол, и тихо сказал:

— Не нужно себя заставлять, мы же друзья.

Цзинь Шуань откинулся на спинку стула, не выражая никакого беспокойства. Его манера держать сигарету была элегантной, длинные пальцы расслабленно лежали на столе, кончики не были жёлтыми, как у многих заядлых курильщиков, а оставались белыми и чистыми. На самом деле, не только пальцы, но и зубы, и кожа казались идеальными, как будто он никогда не курил.

Он потушил сигарету в пепельнице. Когда-то он действительно боялся, что его увидят другие мужчины, или, скорее, его аристократические привычки не позволяли ему чувствовать себя комфортно, раздеваясь перед кем-то. Но за год до смерти он пережил слишком много, и теперь мыться с мужчинами больше не было проблемой. Однако он всё равно не хотел идти, потому что Хань Чжоу был не просто мужчиной, а человеком, к которому он испытывал чувства.

Или, скорее, он боялся, что, увидев тело Хань Чжоу, не сможет сдержать своей реакции.

Его глаза, скрытые в тени света, слегка дрожали, и через несколько секунд он сказал:

— Я немного пьян, может, вы идите без меня.

— Ага. — Хань Чжоу кивнул, чувствуя странное облегчение.

Мужчины рядом с женщинами взрослеют, а мужчины рядом с мужчинами просто стареют, но не становятся зрелыми.

Когда мужчины и женщины разделились в спа-центре, все показали свои истинные лица.

Ли Юцай и Сунь Син, сидя в сауне, играли в карты и отпускали похабные шутки. Босс попросил Хань Чжоу и Цзинь Шуаня не уходить, чтобы после бани сыграть в маджонг до утра, поэтому они остались.

Было около десяти вечера, и, судя по обычному распорядку, баня займёт как минимум два часа. В двух комнатах наверху люди помылись, Хань Чжоу растянулся на кровати, смотря телевизор, а Цзинь Шуань сидел в кресле на балконе, закинув ногу на ногу и наблюдая за огнями города в темноте.

Через некоторое время загорелся экран телефона Цзинь Шуаня.

[Хань Чжоу]: Спишь?

Цзинь Шуань почувствовал лёгкое волнение, быстро набрав:

[Цзинь Шуань]: Нет

[Хань Чжоу]: Ничего, просто переживаю, что тебе плохо после вина

[Хань Чжоу]: Красное вино иногда даёт эффект позже. Если что, скажи, можем позвать кого-то ещё для маджонга

[Хань Чжоу]: У нас много полуночников, не стесняйся

[Цзинь Шуань]: Ага

[Цзинь Шуань]: Я ещё в сознании

[Хань Чжоу]: Хорошо

После этого сообщения Хань Чжоу больше не писал, и Цзинь Шуань положил телефон на столик, затем на колени, а потом снова взял его и разблокировал.

На экране появились несколько новостных уведомлений, но ничего интересного. Цзинь Шуань выключил экран.

Затем телефон снова загорелся — это было письмо от ассистента. Заказчик галереи выдвинул несколько новых требований. Цзинь Шуань просмотрел их, условия были приемлемыми, но он чувствовал лёгкое беспокойство.

Наконец, он быстро набрал сообщение: «Когда мы поднимались, я заметил указатель на бар в лифте. Если не можешь уснуть, можем сходить».

Он ещё не успел отправить сообщение, как на экране появилось зелёное уведомление.

[Хань Чжоу]: Твоя студия сейчас в этом районе, да?

Сердце Цзинь Шуаня дрогнуло, и он быстро стёр текст, ответив:

[Цзинь Шуань]: Да

[Хань Чжоу]: Далеко отсюда?

[Цзинь Шуань]: Недалеко

Через двадцать секунд:

[Хань Чжоу]: Боюсь, что сегодняшний марафон помешает твоей работе завтра

Цзинь Шуань сразу ответил:

[Цзинь Шуань]: Хочешь посмотреть?

[Хань Чжоу]: Сейчас?

Цзинь Шуань на самом деле имел в виду, что можно сходить как-нибудь, но, услышав такой вопрос, его пальцы дрогнули, и он написал:

[Цзинь Шуань]: Ага, сейчас

Через минуту:

[Хань Чжоу]: Пошли

И вот два мужчины, словно с ума сошедшие, посреди ночи, одетые, с запахом бульона, отправились в архитектурную студию.

Хотя это был север, район был частью большого города, и ночная жизнь всё ещё продолжалась.

Они прошли через пешеходную улицу, и чем дальше они шли, тем темнее становилось, а людей становилось всё меньше.

Цзинь Шуань, видя, как Хань Чжоу дрожит от холода, не смог сдержать улыбки.

— Что такое? — Хань Чжоу засунул руки в карманы, подняв воротник куртки, и мелко перебирал ногами, дрожа от холода.

— Ничего. — Цзинь Шуань сдержал множество слов, которые хотел сказать. Он не знал, почему Хань Чжоу пошёл с ним, и не понимал, почему сам повёл его на эту авантюру. Ему просто казалось, что этот человек невероятно мил, и его сердце переполнялось, пока он не рассмеялся вслух.

— Чего ты? — Хань Чжоу, увидев его смех, тоже начал смеяться.

Цзинь Шуань слегка толкнул его локтем.

— Смотри, это снег?

— А? — Хань Чжоу поднял голову и увидел, как в четырёхугольнике неба сверкают звёзды, а маленькие ледяные кристаллы падают на лицо и тут же тают. Его мозг внезапно перегрелся, и он схватил руку Цзинь Шуаня. — Проваливаемся, это пришельцы, бежим!

— Что? — Цзинь Шуань вдруг побежал, увлечённый им. Алкоголь превратил глупую затею в нечто захватывающее и напряжённое. Он словно вернулся в университет, к тому чувству свободы и света, которое заставляло его смеяться всё громче.

Небо начало окрашиваться в оранжевый цвет, и их смех разносился по пустой улице. Их дыхание, видимое в свете фонарей, смешивалось с тёплой мелодией, доносящейся из окна одного из домов.

*

«Звёзды текут, и ты со мной,

С тех пор, как незнакомцы стали близки,

Молча, искренне, я жду тебя.

Жизнь — как сон, друзья — как туман,

Редко встретишь родственную душу, прошедшую шторм,

Тот, кто не отступит ни на шаг ради меня, — это ты...»

*

Мужчины рядом с мужчинами не взрослеют, они просто стареют, но если бежать достаточно быстро, можно остановить время и навсегда остаться юными.

<http://bllate.org/book/15564/1415511>